

ББК 84(2=411.2)6-44
А47

Предисловие:
Александр Лобычев

Художник:
Александр Пилипенко

Алексеева, Н. Н.

А47 Русско-итальянский словарь / Наталья Алексеева ; предисл. А. Лобычев ; худож. А. Пилипенко. – Магадан : Охотник, 2017. – 255 с.

ISBN 978-5-906641-27-4

«Русско-итальянский словарь» – первая книга прозы Натальи Алексеевой. Ранее выходили книга лирики «Флорентийская улыбка», аудиокнига «Лавандовая книга» (стихи в исполнении автора) и две книги стихов для детей: «Животинки в стихах и картинках» и «Северная азбука», обе выпущены совместно с Олей Парасоль (Ольгой Зупан, Словения). «Северная азбука» отмечена дипломами ряда книжных ярмарок. Наталья Алексеева – успешный переводчик: в ее арсенале сборник польской поэзии Йоанны Янды и Войцеха Ярослава Павловского «Против поэтов, или Диалоги с Милошем», а также перевод стихов финской поэтессы Пяйви Неннонен, который вошел в шорт-лист конкурса переводов «С Севера на Восток».

Проза Натальи Алексеевой в 2014 году вошла в лонг-лист Российской национальной литературной премии «Рукопись года», проводимой издательством «Астрель». Говоря о ее произведениях, начиная от миниатюрных рассказов-зарисовок до маленького романа «Четыре самолета», хочется отметить, что автору удается «житейскую пыль» превратить в литературное событие. Такие вещи в обыкновении русской литературы, если вспомнить рассказы Чехова, Аверченко или Тэффи. И в прозе Натальи Алексеевой – осознанно или нет, но эманация этой традиции присутствует, она в самом веществе нашей жизни, в наших характерах и языке. Особенно трогает сердце читателя способность автора разглядеть в толпе именно отдельного человека, пусть нелепого, даже смешного, а со всеми его страстями и переживаниями, понять его и показать живую душу.

Книга доставит удовольствие самому широкому кругу любителей литературы.

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-906641-27-4

© Алексеева Н. Н., 2017
© Издательство «Охотник», 2017

НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВА

РУССКО-ИТАЛЬЯНСКИЙ СЛОВАРЬ

Рассказы и роман

Магадан
Издательство «Охотник»
2017

Неспящие женщины

Довольно быстро становится ясно, что прозаические вещи, собранные в книге Натальи Алексеевой, – от миниатюрных рассказов-зарисовок до маленького романа «Четыре самолета», это подаренная разным героиням автобиография автора. Конечно, она дополнена выхваченными из окружающей повседневности историями, случаями, да и просто житейскими анекдотами, подслушанными диалогами и выпитанными у подруг женскими секретами, но в целом книга держится на точных деталях и конкретных ситуациях, за которыми стоит личность автора, она и определяет стиль этой безусловно женской прозы в лучших ее проявлениях. Весь этот мерцающий мир – для мужского взгляда вполне хаотичный, но и притягательный, как содержимое внезапно раскрывшейся женской сумочки, в умелых авторских руках приобретает законченность сюжетов, судеб и характеров.

Хотя изменчивость психологического облика героинь Алексеевой, их эмоциональная текучесть и непредсказуемость, пожалуй, одна из главных симпатичных особенностей ее прозы. В этом смысле примечателен совсем маленький рассказ «Быть мужем его жены», где перед нами всего лишь одна ночь, в общем, взбалмошной женщины, но наделенной такой насыщенной внутренней жизнью, которая бежит внутри нее как ручей, не дающий покоя ни ей, ни мужу, обреченному на постоянный недосып. Сначала она вспоминает купленные марокканские помидоры и включает свет, чтобы найти на глобусе эту страну, потом до слез мучается разладом между Россией и Грузией, потом будит мужа, чтобы выказать ему свою нежность, потом пишет посвященное ему стихотворение... И когда муж едет утром на работу, одна мысль в голове – выспаться. «Но... через час звонит она. И сонным голосом излагает свои взгляды на устройство мироздания, потом зачитывает стихи, написанные ночью, а потом шепчет ему особенные и дерзкие слова,

совершенно неуместные в этом хмуром утреннем офисе. И он мечтает только об одном: вернуться домой и вечером снова пытаться заснуть рядом с ней – этой странной, неспящей женщиной».

Они и вправду «неспящие» – эти женщины, но ведь и жизнь никогда не спит. Они неустанно обустривают собственную судьбу, мучаются с мужьями и разруливают с любовниками, решают проблемы друзей и соседей, изо всех сил поддерживают спасительный покров над детьми, рискуют благополучием и покоем ради любви и просто в пылу азарта. И при этом они практически всегда сохраняют довольно тонкое чувство юмора, а главное – самоиронию. В этом их обаяние, которое естественным образом окрашивает рассказы Алексеевой, тем более что повествование ведется, как правило, от первого лица, и это определяет интонацию – доверительную, почти интимную.

«Биографические сведения о сыне, коте, хомяке, мне и муже» – так называется один из крохотных рассказиков, где автору удается из ничего, из бытовых мелочей, из семейной каждодневной суеты создать почти стихотворение в прозе. Все вроде бы и знакомо, но написано так крупно и выразительно, как если бы вы одновременно смотрели в чужое вечернее окно и были обитателем квартиры, где происходит действие. У автора это довольно ловко получается – она мгновенно, без всяких прелюдий, перемещает нас в самый центр какой-нибудь обычной ситуации и заставляет жить радостями и печалью своих персонажей. Как, например, это происходит в рассказе «Музыкальная история», где медсестра Аня Чумакова на концерте симфонической музыки горюет о жениховской нерешительности врача Игоря Святославовича, некая старушка запоздало ненавидит умершего мужа, а разведенный Петр Сергеевич по причине случившегося здесь же, на концерте, курьеза находит в лице Ани будущую жену.

Казалось бы, житейская пыль, но автору удается сконцентрировать ее и превратить в литературное событие. Такие вещи вообще-то в обиходе русской литературы, если вспомнить рассказы Чехова или Тэффи. И в прозе Алексеевой – осознанно или нет, но эманация этой традиции присутствует, она в самом веществе нашей жизни, в наших характерах и языке. Здесь особенно трогает сердце русского читателя способность автора разглядеть в толпе именно отдельного человека, пусть нелепого, даже смешного, со всеми его страстями и переживаниями, понять его и показать живую душу. И здесь

же невольно вспоминаются хрестоматийные ахматовские строки: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда, / Как желтый одуванчик у забора, / Как лопухи и лебеда». И в этом, конечно, замечательное свойство этих рассказов.

Надо ли говорить, что большинство произведений Натальи Алексеевой строятся на любовных сюжетах и коллизиях... По сути дела, она составляет свою личную энциклопедию любви, где все начинается даже не с первого чувства героини, а с первого явления любви, подобного схождению богов на землю. Именно так происходит в ироничном и вместе с тем чудесном рассказе «АРФиканская любовь», где для восьмилетней ученицы музыкальной школы арфа, арфистка, которую она боготворит, и чернокожий влюбленный сливаются в одно небывалое видение: «В комнату вплыла арфическая богиня, а за ней (тут я за тумбой упала в вековую пыль) вошел... негр. На смену моему нечеловеческому изумлению пришло любопытство примерно такой же силы. До этого я думала, что негров все время угнетают (и у них совершенно нет свободного времени) и что они носят юбки из тростника. Этот же был в костюме, с ворохом красных гвоздик в руках, как будто он только что обокрал участников ноябрьской демонстрации».

Музыка, надо сказать, то и дело прорывается в рассказах, то организуя сюжет, то возникая неким саундтреком к нему, то аранжируя ритм повествования. Для автора ощущение музыкальной волны, проходящей через жизнь героев, очень важно, можно сказать, для нее это некий камертон, по которому она настраивает свою прозу. Можно вспомнить рассказ «Любовь и виолончель» о любви двенадцатилетней виолончелистки к контрабасисту Саше, понятно, несчастливой: «Моя виолончель разделила со мной первую любовь, первое разочарование и первую мировую скорбь. Она пела мне, и ее музыка заживала мои раны. И не раз еще мои слезы бежали по ее лакированной деке и падали куда-то вниз. Моя любовь преобразилась в музыку». В этом же ряду и рассказ «Бабочка» с томительно-романтическим звучанием танго и не менее романтической историей о женском предательстве; и чистая мелодия девичьего голоса, что озвучивает рассказ о влюбленном грузине Кахе, который работает поваром в питерском ресторане.

Вообще, лирическое начало определяет многое в рассказах Алексеевой, стремление опозитизировать будничное течение жизни, заставляет ее искать яркие краски, при этом она не отказывается от

своего рода литературного фотошопа, не сторонится порой и просто классических штампов, надеясь на иронию. Рассказ «Тишук бросает любовницу» начинается, как тысячи курортных романов, – и в жизни, и в литературе: «У инженера Тишука была любовница. Познакомился он с ней в Турции, в море. Она плыла куда-то вдаль и была топлес. Тишук плыл как раз из дали. Вот они и встретились. Сначала глазами, а потом не стовариваясь поплыли к берегу вместе». Рассказ, развивающийся по воле автора как пародия, как ироничная насмешка над тривиальной ситуацией, вдруг становится жутковатой историей женской мести, внезапной, как укус: «Спустя несколько мгновений, Люда подошла к Тишуку, обняла его и за плечи, безвольного, вывела за дверь, на лестницу. Затем дверь захлопнулась, и Тишука обступила кромешная тьма, полная боли».

Погружаясь в рассказы Алексеевой, постепенно начинаешь понимать, что в образе ее героинь порой кроется тайна, способная удивить не только читателя, но и самих героев, они в повествовании открывают сами себя. Эта тайна может быть и опасной, как зернышки яда на дне бокала во время курортного романа, а может внезапно проявиться с такой взрывной жизненной силой, что способна изменить судьбу. Так происходит с Машей, когда, в общем, банальный адюльтер вдруг возвращает ей живые рассветы, о существовании которых она попросту забыла, погруженная в глухую серую жизнь с алкоголиком-мужем.

Как я уже и говорил, истоки сюжета зачастую кроются в самих глубинах женского характера, способного развернуть ситуацию в непредсказуемом направлении. Женщина, в представлении автора, своими руками творит сюжет нашей жизни, а вовсе не подчиняется внешним обстоятельствам. В рассказе «Русско-итальянский словарь» опять же заурядное случайное знакомство в кафе и быстрый интим в квартире Володи превращаются в веселый фарс, ироничный водевиль, в итоге которого мы получаем смешную и волшебную историю: «Я захохотала. Мне показалось, что мне сегодня уже повезло с самым странным вечером в моей жизни: я в чужой кухне, с чужой рыбой в руках, в квартире чужого мужчины, отчаянно любящего не меня, да еще и в кофточке, надетой шиворот-навыворот».

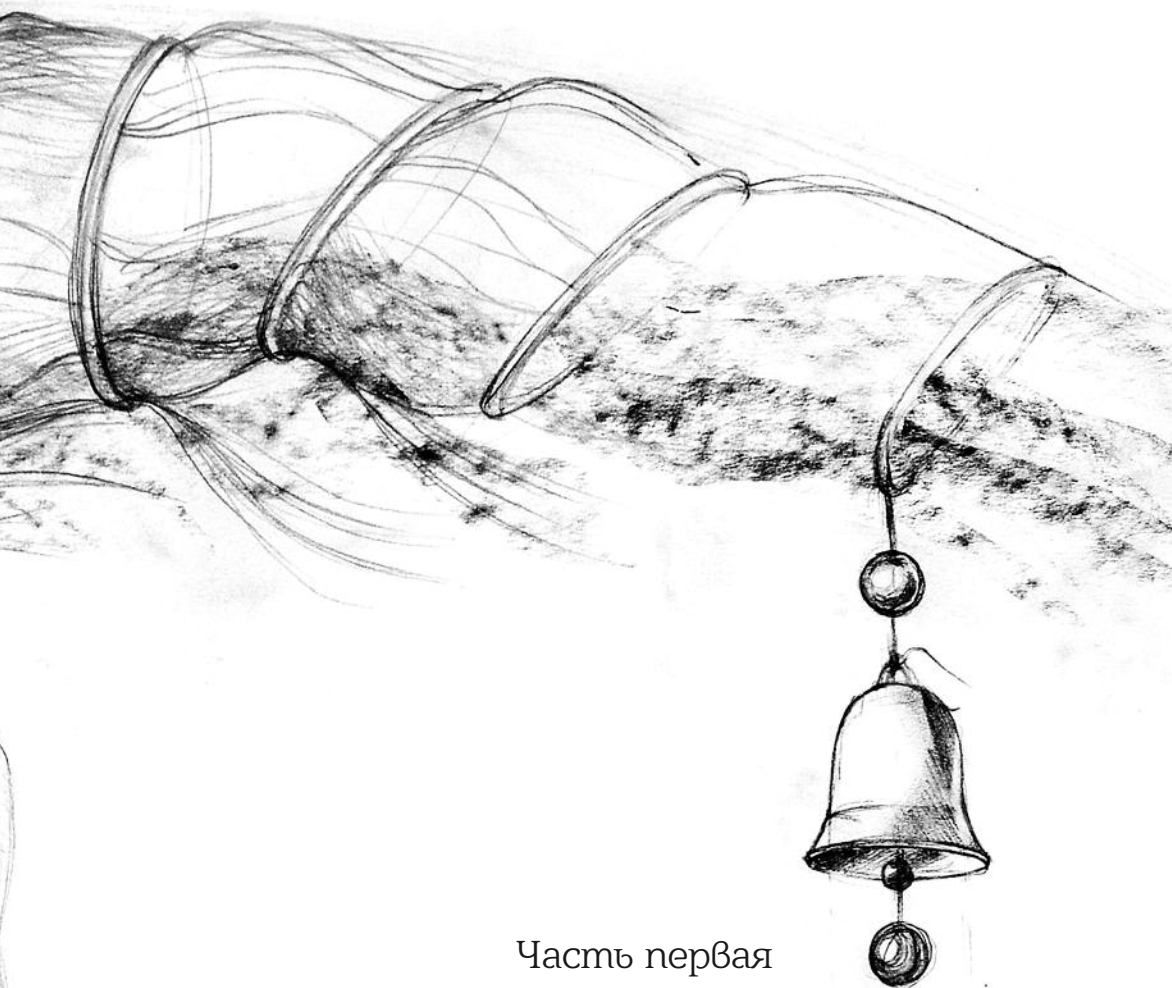
Несколько особняком в книге стоят две вещи: довольно объемный рассказ «Немецкое происшествие» и маленький роман «Четыре самолета». По сюжету – это любовно-авантюрные приключения русской женщины за границей, а по жанровым приметам их

вполне можно отнести к модному в нулевые годы типу романов, которые определялись просто – «золушка для олигархов». Олигархов в прямом смысле у Алексеевой нет, хотя, например, автомобильные магнаты встречаются. Но это и понятно: ее героиня изначально вовсе не светская львица, а смышленная, гуманитарно образованная и склонная к дерзким поступкам наша питерская современница. Судьба ей подбрасывает персонажей вполне в ее вкусе – нестерпимо привлекательного бандита Фелипе, знаменитого художника Бернара, французскую интеллектуалку Камиллу, английского галериста Фрэнка... И только грузинский эмигрант Давид, с которым в «Четырех самолетах» у героини завязывается сначала переписка, а затем запутанный и по-русски надрывный роман, в этом ряду смотрится вполне демократично. И если бы не лихие развороты сюжета, не легкая манера вести повествование и строить диалоги, не улыбка, что таится в уголках авторских губ, можно было бы и утонуть в гламурном сиропе.

Мужчины в прозе Натальи Алексеевой, надо честно сказать, при всей фактурности внешнего облика в психологическом смысле чаще выступают на вторых ролях. Они проводники в мир женщины, они призваны для того, чтобы активировать героиню и дать ей возможность сыграть себя в полную силу. Тем более увлекательным персонажем в рассказе «Михалыч и Валентина» предстает Михалыч, торговец мясом на рынке, который потерял в деревне жену и одержим поиском: «Хозяйка мне нужна, тошно одному». Вот здесь-то авторская насмешливая, но понимающая и сострадательная наблюдательность раскрывается с блеском. Когда Валентина Петровна, чуть подаваясь навстречу этому неловкому, но искреннему и надежному мужику, предлагает ему познакомиться поближе, то получает сногшибательное предложение: «Может быть, в баню? – предложил Михалыч. – Можно было бы и в театр, конечно, но насчет театров и кино (тут он доверительно приблизил свою бороду к уху Валентины Петровны) я не очень силен». И что самое упоительное, они идут в эту дурацкую городскую баню, где и моются, понятное дело, в раздельных отделениях. Но это, конечно, не финал, потому что «сердцу девы нет закона».

*Александр Лобычев,
литературный критик, Владивосток*

Часть первая

Шкаф с желудями

Быть мужем его жены

Он ложится спать. Он уверен, что ночью нужно спать.

Она укладывается рядом с ним. Она уважает законы природы: ночь – время сна. Она только немного читает перед сном. Нет-нет, свет большой люстры, конечно, выключен. Только небольшая лампочка над ее правым ухом вкрадчиво освещает книжные страницы.

Тишина, покой, все спят. Она читает. Читает и время от времени задумывается. И принимает решение: надо посмотреть на глобусе, где находится Марокко. Не потому, что про Марокко написано в ее книге. Просто она вспомнила, что купленные ею сегодня маленькие смешные помидоры были из Марокко. Глобус очень маленький. И названия стран написаны бледно. Поэтому она включает общий, большой свет. Ему свет мешать не будет, ведь он так крепко спит.

А он просыпается и натягивает одеяло себе на голову, надеясь, что она дочитает глобус и выключит свет. Он знает, что она сейчас все выключит. Ничего не поделаешь: она любопытная.

Она действительно выключает большой свет. И снова берется за книгу. Читает. Но сон к ней не приходит. У нее был слишком эмоциональный день. Она вспоминает про странные отношения Грузии и России и внезапно понимает, насколько ей хочется, чтобы все, наконец, наладилось!

Она резко садится. Да, к ней пришло это осознание: ей очень хочется, чтобы между Россией и Грузией все окончательно наладилось! О! Как это важно! И... она начинает плакать, не зная почему. Она старается плакать тихо, чтобы не разбудить его.

И сначала действительно плачет тихо. Но от ее всхлипов он просыпается. Он так устроен. Он не может оставить ее в трудный момент с трудными мыслями у нее в голове. Ему несложно немного проснуться, прижать ее к своей груди и погладить по го-

лове. Он знает, что она не будет объяснять причину своих слез. Так бывает: она плачет и ничего не объясняет. Да, он гладит ее, и она успокаивается. И сейчас успокоилась. Легла и, чуть-чуть всхлипывая, выключает весь свет. И засыпает.

Но моментально просыпается: вдруг к ней приходит мысль о том, как он великодушен! Как добр! И, естественно, к ней приходит первая строчка стихотворения, которое посвящено ему. Нельзя потерять эту драгоценную первую строчку – в ней – самое важное! Она вскакивает и снова включает весь свет.

Он снова просыпается. Ему немного грустно оттого, что его сон так часто прерывается. Ей неловко, но нельзя потерять драгоценную первую строчку. Поэтому она ищет листок бумаги. Да вот целая пачка!

Пока она освобождает пачку бумаги от двух старинных томов «Анны Карениной», которые неловко балансируют, как пьяные канатоходцы, первый том падает с полки. И... разлетается по всей комнате. Некоторые листочки романа вместе с пылью еще кружатся в воздухе, освещаемые светом люстры, а он уже сел в кровати и грустно, чуть приоткрыв красные опухшие глаза, смотрит на это поэтическое кружение. Ему очень грустно, но вера в то, что когда-нибудь ей захочется спать, не покидает его.

Она нашла листок. Погремев железной коробочкой с карандашами, обнаружила самый подходящий, быстро записала стихотворение, выключила свет и... затихла. Он, улыбаясь от скорой встречи с глубоким сном, засыпает.

Но она и не думает засыпать. Ей мешает какая-то назойливая мысль, и от этой мысли ей так тяжело на душе! Она решает поплотнее укутаться в теплое одеяло. Она стягивает с него одеяло и неожиданно для себя погружается в сон.

Ему холодно (ох уж эта ветреная морозная декабрьская ночь!), но он не может забрать одеяло у нее. Во-первых, она, кажется, заснула, а во-вторых, на его взгляд, это одеяло ей сейчас нужнее.

Сон снова накрывает его своим милосердным крылом. И тут она снова просыпается от щемящей нежности к нему: резко разворачивается, прижимается к нему всем трепетным горячим телом и начинает страстно его ласкать.

Но ему грустно: уже через три часа будильник свершит свой скорбный труд. Она не чувствует отклика любимого и разочаро-

вываается. Он мучительно ощущает свою вину, но из последних сил пытается заснуть. Он слышит, как она, для того, чтобы пережить разочарование, читает книгу, пишет новое стихотворение, смотрит любимый фильм, через полтора часа весело подпеваает финальным титрам и в восьмом часу засыпает крепко-крепко. Под оглушительные трели будильника, предназначенные ему...

Он встает с тяжелой головой. В темноте (чтобы, не дай Бог, не разбудить ее) он надевает рубашку, брюки, носки и неслышно выскальзывает из комнаты. Машинально выпивает чашку чая и тихо-тихо выходит из квартиры. Сидя в машине, в пробке, он замечает, что в темноте надел разные носки. А потом, на работе, с трудом фокусирует взгляд на столбцах цифр. И с тоской думает о том, что мечтает только об одном: *выспаться хотя бы один раз за долгие годы этой бессонной семейной жизни!* И его глаза застилает туман раздражения...

Но... через час звонит она. И сонным голосом излагает свои взгляды на устройство мироздания, потом зачитывает стихи, написанные ночью, а потом шепчет ему особенные и дерзкие слова, совершенно неуместные в этом хмуром утреннем офисе. И он мечтает только об одном: вернуться домой и вечером снова пытаться заснуть рядом с ней – этой странной, неспящей женщиной.

Сказочка про орфографию

Давным-давно, в стране, которая давно называется по-другому, жила-была одна второклассница. И ходила она на продленку. А на продленке этой чего только не случалось. Особенно длинными зимними вечерами, совсем как в тот длинный зимний вечер, когда в небольшой комнате сидели сорок учеников (среди которых оказалась я) и готовили уроки к завтрашнему дню. Кто-то делал это тихо. А кто-то очень даже громко, вовлекая в процесс самообразования не только одноклассников, но и широкую общественность.

Широкую общественность представляла собой наша уборщица – харизматичная тетя Люся, которая присматривала за детским муравейником, пока учительница примеряла в туалете

сиреневую комбинацию (разведданные предоставлялись группой старшеклассниц). Обычно все шло гладко. Но однажды кое-что произошло. Нам задали упражнение по русскому языку, в котором надо было правильно написать названия столиц союзных республик. Дело меня это увлекло. Еще бы: названия некоторых столиц невозможно было выговорить, не то что написать. Но встречались и такие, писать которые было полным удовольствием. Например, Минск или Баку.

Я, мирная девочка с розовыми бантами, сидела за партой вместе с одноклассницей Леночкой и выводила в тетрадке заветные слова. И вдруг я увидела, как моя одноклассница хладнокровно выводит слово «Талин» с одной «л».

Внутри меня что-то оборвалось, грохнуло и покатилося. И я, толкнув Леночку локотком, сказала строго: «Таллин» пишется с двумя «л». Одноклассница, проигнорировав мое замечание, продолжала свой страшный список: Алмота, Кешенев, Боку, Ериван и еще что-то.

Сжав кулаки, я попросила ее все это зачеркнуть и написать еще раз, но правильно. В ответ Леночка смотрела на меня, не мигая и не соглашаясь.

Русский язык был в опасности, и я, не помня себя от ярости, вцепилась зубами в руку мятежной одноклассницы где-то в области запястья.

И тут началась кутерьма: кровь ручьем, беготня, вызов врача, возмущение широкой общественности, вопли, ругань, возвращение учительницы из туалета, приход родителей моей жертвы и вознесение директора школы с первого на пятый этаж...

В результате репрессий, которые последовали незамедлительно (порка дома и общественное порицание в школе), мне стало жалко одноклассницу Леночку. В конце концов, она не ведала, что творила...

С тех пор прошло много лет. И я со временем поняла, что мой метод борьбы за чистоту письменной речи не подходит для широкого применения. Позже, работая в школе, я этот метод, честное слово, больше не применяла.

А пару лет назад я встретила ее в театре. Она прогуливалась в фойе с молодым человеком олигархической наружности и выглядела по меньшей мере довольной. Меня она узнала и сразу

бросилась целоваться. Я обрадовалась, потому что ощущение собственной неправоты частенько посещало меня.

И, знаете, что она мне показала через минуту после дружеских поцелуев? Шрам на запястье! Но не просто шрам. А шрам, украшенный браслетом. Браслет, в свою очередь, сиял парой десятков бриллиантов. Эдик (Леночкин жених), узнав трагическую историю белоснежной ручки, целую ночь переживал над запястьем возлюбленной, а наутро украсил его ювелирным совершенством, по стоимости равным «Боингу».

Спросите, в чем мораль этой истории? Я и сама не знаю. Но утверждать точно, что надо учить орфографию, не берусь...

АРФиканская любовь

В моей музыкальной школе был класс арфы – комнатуха, полная чудес, под самой крышей. Божественная арфа манила меня, искушала и обещала новую прекрасную жизнь. Так что каждый раз, заслышав холодные музыкальные волны, я застывала на месте, как сурикат.

Преподавательница по классу арфы была первой красавицей: черные блестящие волосы, алый рот и взгляд с поволокой. Каждый понедельник она выбрасывала из кабинета несколько засохших букетов и приносила несколько новых.

В это помещение не пускали никого. В моем виолончельном кабинете, с портретом Даниила Шафрана на стене, кучей колков в шкафу и старинным роялем, перебивали все кому не лень, включая собаку сторожа и ленивую мышь. Но в царство двух арф можно было проникнуть только по недосмотру высших сил. И однажды высшие силы недосмотрели.

Мне было восемь лет, и к тому моменту жизнь научила меня быть шустрой, иногда незаметной и очень настойчивой. В голове, украшенной косичками, созрел план, не отличающийся, впрочем, большой оригинальностью. Под нехитрым предлогом я подобралась к доске с ключами от кабинетов и взяла ключик. Правда, моментально внутри меня возник этический конфликт: а) не ворую ли я; б) можно ли трогать чужой инструмент; в) как

потом вернуть ключ на место. Конфликт продолжался ровно до той секунды, когда я услышала голос сторожа. Решение пришло моментально: я схватила ключ и в три секунды взлетела по лестнице под самую крышу, сбив по дороге ни в чем не повинного сторожа. Споткнулась на последней ступеньке, рухнула на дверь вожделенного кабинета, и... дверь распахнулась сама.

Две арфы, как два лебедя в брачный период, стояли рядом и, казалось, не сводили с друг друга глаз. Я стала водить ладонями по струнам и жадно запоминать детали инструментов и, кажется, даже проклинала тот день, когда выбрала виолончель.

Набравшись смелости, я уже собралась извлечь из этого божеества пару аккордов, как вдруг на лестнице... о ужас!.. раздались шаги и голоса. Пришлось быстро оценить обстановку: выходить нельзя, а спрятаться негде. Глаза бессильно шарили по предательски маленькому кабинету. Не было ни шкафа, ни ниши, ни ширмы. Портьеры, служившие украшением каждого кабинета нашей музыкальной школы, и те отсутствовали. Здесь к моим услугам были только две безнадежно просвечивающие арфы и небольшая тумбочка в углу.

Что делать? В коридоре стало тише. Голоса проследовали в спасительную даль, но два (бархатный мужской и контральтовый женский) стремительно приближались к месту моего преступления. Я, потеряв способность к критическому мышлению, спряталась за тумбу.

В комнату вплыла арфическая богиня, а за ней (тут я за тумбой упала в вековую пыль) вошел... негр. На смену моему нечеловеческому изумлению пришло любопытство примерно такой же силы. До этого я думала, что негров все время угнетают (и у них совершенно нет свободного времени) и что они носят юбки из тростника.

Этот же был в костюме, с ворохом красных гвоздик в руках, как будто он только что обокрал участников ноябрьской демонстрации.

Арфистка оказалась спиной ко мне, но этот представитель теплой страны, сверкая белыми зубами, встал ко мне, то есть к тумбе, лицом. И я стала свидетельницей какого-то непонятного для меня диалога. Оба говорили по-французски: он уговаривал, а она не уговаривалась. Его голос звучал красиво и завораживающе, а ее – тихо и удрученно. Потом стало еще интереснее:

сначала он встал на одно колено, а потом запел. Какое-то время он еще пел, но потом они совершили такое...

Это был долгий поцелуй. Накануне вечером моя мама закрывала от меня экран телевизора, где дядя и тетя делали то же самое. Время поцелуя мне показалось вечностью. Но мне было непонятно, как долго они еще собираются целоваться: а мне-то еще домой идти.

В общем, недолго думая, я встала и вышла из-за тумбы. Ничего страшного из-за этого не произошло. Негр мне буднично так подмигнул, как будто ежедневно десятки малолетних школьниц становятся свидетельницами его личной жизни. А учительница арфы оглянулась на меня, пыльную, и какое-то время смотрела не мигая. Я даже подумала, что она меня не видит. Но она меня, конечно, видела.

Я ударилась в панику и хотела уже начать рыдать жалобно и просить о пощаде. Но богиня поманила меня к себе пальцем. Я на ватных ногах подошла к ней и сказала дрожащим голосом: «Я арфу... хотела.. посмотреть только...» Арфистка рассеянно кивнула, сняла паутину с моих волос, обняла по-матерински и хрипло сказала: «Иди».

Я со всех ног рванула к двери, но природное любопытство заставило оглянуться на негра, который тут же снова мне подмигнул.

От безнаказанности и благополучного исхода мне стало весело. Я поняла, что взрослые, так же как и дети, в свободное время занимаются глупостями. А на память об этой истории у меня остался ключ, который так и не пригодился.

Любовь и Виолончель

Когда мне исполнилось шесть лет, я захотела в музыкальную школу. Ну просто до дрожи. Папа сделал пару звонков и узнал, почем музыкальное образование. И его вердикт был таков: «Фортепиано – дорого, скрипка выглядит несолидно, а вот виолончель и мандолина – в самый раз. Тринадцать рублей в месяц».

Про мандолину в нашем окружении в то время мало кто слыховал, а вот сказать, что дочь – виолончелистка, почти то же самое, что «я – друг Брежнева». Так был сделан выбор: виолончель.

На обязательном прослушивании я предстала перед комиссией. Комиссия придирчиво изучила мои ладошки и сказала: «Девочка годится». А еще попросила спеть. Я быстренько набросила на плечи заранее заготовленную косынку и спела: «Мы на лодочке катались, золотистой, золотой. От любви расцеловались, не качай, брат, головой». Комиссия еще раз одобрительно кивнула: «Годится». Я на всякий случай станцевала и показала, как делаю из бумаги лягушку. Также я собиралась показать, как быстро заплетаю косы. Но комиссия решительно что-то написала у себя в журнале и убедительно попросила меня выйти к папе в коридор.

В общем, меня зачислили в музыкальную школу, в класс виолончели. Мне даже выдали виолончель. Первым делом я продырявила виолончельным штыком дорогой старинный дубовый паркет в комнате нашей коммунальной квартиры. И моя музыкальная карьера началась!

Звук, извлекаемый мной из внешне симпатичного инструмента, напоминал предсмертный стон римского раба с тонзиллитом. По вечерам папа почему-то стал брать халтуру на стороне, а мама записалась на курсы кройки и шитья. Брат по причине трехлетнего возраста никуда не мог записаться, поэтому отчаянно ревел, пугаясь моих первых музыкальных экспериментов с русской народной песней «Во поле березка стояла».

Но время шло, и исполняемая мной музыка уже вполне годилась для того, чтобы попадать в человеческие уши. Только меня весьма расстраивала многочасовая необходимость заниматься музыкой каждый день. Ведь я росла, и у меня появлялись другие интересы.

Через несколько лет обучения в музыкальной школе я поняла, что музыка покоряется мне слишком медленно. Потому я приняла решение завязать с этим занятием раз и навсегда. Родители придерживались другого мнения. Поэтому пришлось действовать самостоятельно и наверняка.

Для начала я узнала в музыкальном магазине, какая часть виолончели самая дефицитная. Оказалось, колок. Впрочем, я и

сама это знала. И вот, произведя расчеты для нехитрой траектории, в один прекрасный вечер, я сокрушила свой ни в чем не повинный инструмент о чугунную ограду сквера. Колок, как и ожидалось, сломался. А придя на занятие, я выложила запчасти на стол. И заявила учительнице Анне Геннадьевне: «Вот, мол, порыв ветра и все такое». Преподавательница посмотрела на меня внимательно и отправила на дополнительное занятие по сольфеджио с параллельной группой, а тем временем стала кумекать. Кумекала она недолго, так как ее шкаф был просто завален колками всех размеров. Тогда я поняла, почему в музыкальном магазине они были в тотальном дефиците. Они все были здесь, в шкафу. Но я шла к намеченной цели: очередной порыв ветра – и нежданно-негаданно сломалась не менее дефицитная подставка. Последовал еще один дополнительный поход на сольфеджио – и новая подставка стояла на моей виолончельке, как влитая.

Последнюю попытку устранившись из музыкального мира я сделала примерно через полгода: в один прекрасный день, взяла НОЖ и... Нет, хакакири не было: я полоснула этим самым ножом по пальцам левой руки – тем самым, которые нажимают на струны. Я надеялась, что учительница увидит порезанный палец, забинтует меня и отправит домой возвращаться к жизни. Но, зная мой веселый нрав и памятуя о нескончаемых порывах ветра, приводящих мой инструмент в негодность, она взяла медицинский клей и налила его на палец, истекающий кровью, и строго сказала: «Играй!» Палец ездил вверх и вниз по металлической струне, инструмент пел, а я плакала от боли и стыда. Слезы скользили по лакированной деке и еще долго лежали блестящими камушками на воощеном полу.

Потом я угомонилась, ведь участие в движении сопротивления мешало мне радоваться жизни на полную катушку.

Годы обучения в музыкальной школе полетели дальше: хор, сольфеджио, музыкальная литература, ансамбль, оркестр, сплетни под лестницей. А еще в моей музыкальной жизни начался период группового музыкального творчества. А если проще, то по учебному плану мне полагались занятия в школьном симфоническом оркестре.

С оркестра и начался романтический период в моей жизни. Мне уже исполнилось целых двенадцать лет, и я влюбилась.

Предметом моей страсти стал контрабасист с редким и красивым именем Саша.

Это был высокий задумчивый брюнет. Сидя в оркестре рядом с ним, я не сводила глаз с его ботинок, особенно со шнурков. Они были такие же, как хозяин, длинные и прекрасные. А размер ноги был сорок пятым. И так как дирижер под страхом смерти запретил духовикам и струнникам топтать ногой в такт музыки, особенно во время общей паузы в пьесе Вильбоа «Моряки», то глаза моего бедного Саши выражали нечеловеческие страдания. Все сорок пять сантиметров длины стопы хотели топтать во что бы то ни стало.

И надо же было такому случиться, что от накала любовных страстей виолончель в моих руках зазвучала, наконец, так, как этого хотела моя учительница и сам мой многострадальный инструмент. Звуку, который лился из виолончели, позавидовал бы сам Ростропович: все легато были настоящими, пиццикато – душещипательными, и даже канифоль ложилась на смычок идеальным слоем. Родители и учителя считали, что я взялась за ум. Но на самом деле я взялась рисовать сердца на всех доступных поверхностях. А бессонными ночами сочиняла стихи примерно следующего содержания:

*Когда я вижу контрабас,
Я сразу вспоминаю вас.
Ведь это вы наедине
В ночи шептали что-то мне.*

Мне, двенадцатилетней, очень хотелось, чтобы мы с моим предметом любви в ночи рассказывали друг другу школьные новости. В ответ на свою страсть я получала лишь редкие Сашины взгляды неясного происхождения. Мне этого было достаточно: ведь интерпретировать их можно было как угодно. И я была почти счастлива. Если бы не одно недоразумение.

У меня появились целых три соперницы. Ну, две – так себе, а третья – змея. Флейтистка Алечка. Кроме того, что она была высокой стройной брюнеткой с черными, как зависть, глазами, она носила такую умопомрачительную одежду, какой в ранне-постперестроечном государстве никто и не видывал.

Из-за Алечки и возникала проблема на каждой репетиции.

Она солировала, когда мы играли Баха. Выглядело это примерно так: взмах палочки, и Алечка начинает складывать свои пухлые губки для ангельского дуновения. Саша смотрит завороженно и забывает вступать в положенное время, а я взираю на все это не мое счастье и тоже не вовремя вожу смычком по струнам. Вся виолончельная группа, конечно, в курсе этой любовной драмы и не любит пропускать такое занимательное тройное опоздание. Поэтому все смотрят на нас троих, оркестранты играют каждый в своем темпе, а дирижер кричит с громкостью взлетающего самолета: «Еще раз пятую цифру!» Саша густо краснеет, я опускаю голову низко-низко, а Алечка равнодушно смотрит на дирижера.

В один печальный для меня день Сашиного отца отправили работать в далекую теплую страну на целый год. Семья отправилась вместе с ним. Я ждала возвращения моего контрабасиста и писала ему письма, полные стихов и планов на будущее. Письма слать было некуда, поэтому я складывала их в коробку под кроватью. Там же лежала моя надежда на то, что мой контрабасовый кумир вернется и, наконец, оценит мою любовь и преданность по достоинству.

Наконец, Саша вернулся. Темным осенним вечером, перед началом репетиции оркестра, он, еще более высокий и красивый, вошел в репетиционный зал и сел за свой высокий и красивый инструмент. От счастья мое сердце неистово колотилось, я ждала перерыва, чтобы признаться ему в любви. У меня не было сил больше скрывать свои чувства.

Но во время перерыва Саша стремительно соскочил со своего места и рванул в коридор. И там... Слезы почти закрыли от меня плотной стеной то, что происходило на глазах у всех: Саша шепнул Алечке непонятное слово «хабибти» и смущенно вручил ей набор косметики. На моих глазах разрушился целый мир. На несколько месяцев я погрузилась в пучину поэтической тоски...

Недавно я узнала, что Саша руководит строительной фирмой и женат на одной из тех двух «так себе». Алечка играет в каком-то американском оркестре и тихо живет замужем за мэром маленького города на берегу океана. Говорят, американский муж ею гордится.

Моя виолончель разделила со мной первую любовь, первое разочарование и первую мировую скорбь. Она пела мне, и ее музыка залечивала мои раны. И не раз еще мои слезы бежали по

ее лакированной деке и падали куда-то вниз. Моя любовь преобразилась в музыку.

Музыкальную школу я закончила с хорошими оценками и с одним хвостом. Увлечись любовью, я не сдала технический экзамен. А замять несданный экзамен – это тоже талант, не правда ли?

Биографические сведения о сыне, коте, хомяке, мне и муже

Уложить ребенка спать просто. Нужно ему сказать, что уже десять. Ну, еще нужно напомнить ему. Раз шестьдесят семь, от силы – восемьдесят девять. И он ляжет. Сразу.

Потом, правда, встанет. Потому что сбилась простыня. И подушка сбилась. То есть улетела. Ну, в смысле, она не сама летела, его кинули в кота. Когда кот спал.

Перестилаю постель – и вуаля! Сын ложится. Но оказалось, что надо еще почистить зубы. И руки вымыть. Ну, просто он забыл вымыть руки. Лег. И.. внимание!.. спит.

Но тут просыпается кот. Ведь ему нужно было пять-семь минут, чтобы понять, что прилетевшая подушка – это подушка для пробуждения. И кот одним прыжком оказывается на голове сына.

Сын, конечно, не то, чтобы просыпается, но, в общем-то, орет на всю квартиру. Кот-де в глазу что-то там ему лапой. И еще что-то про когти.

Сын, конечно, одержим жаждой мести. Он тоже делает длинный прыжок за котом. Потому что кот отпрыгнул по причине, что сын орал. Не то, чтобы очень громко, но соседи снизу тапком в потолок стучали.

Какое-то время кот недоступен. Мы его и колбасой приманиваем и неизвестно что обещаем. Но кот знает, что на этот раз колбасы точно не будет.

Сын, неотомщенный, отступает в кровать и засыпает, но

просыпается, потому что требуется зеленка и перекись водорода. Признаю справедливость требования и иду рыться в медицинском отсеке.

Пока роюсь, слышу ровное дыхание сына. Все-таки уже полдвенадцатого, кажется. Я думаю, что это очень хорошо. Удобно мазать детей зеленкой, когда они спят. И я мажу зеленкой царапину.

Пока мажу – тихо вылезает кот. Виновато, крадучись. Меня это устраивает. Главное, что кот тихо ползет, а ребенок спит.

Но тут из норы вылезает проснувшийся хомяк и – прямиком в свое колесо. Колесо обычно не очень гремит, когда хомяк в нем бежит как бы по степи. Но какой-то человек (я?) придвинул клетку к плите, и теперь гремят и колесо, и клетка, и плита, и придвинутый к плите кухонный шкаф.

Тут, словно взрыв, следует вопль сына, которому больно от зеленки даже сквозь сон. Сыну больно – он орет, коту страшно – он больше не отползает: от страха он начинает лезть на гладильную доску, стоящую за дверью.

Гладильная доска с грохотом падает, закрывает собой дверь, которая больно бьет мне по пальцу ноги. Потому что я без тапок. Потому что квартира настолько маленькая, что ни одна дверь не может закрыться, не вызвав разрушений и жертв.

Я почти плачу, хотя плакать нельзя – тут сын и вообще.

Я сквозь слезы ненавижу советский строй, который понастроил такие тесные дома в далеком восемьдесят пятом, а заодно – новую российскую экономику, из-за которой... да хрен с ней, с экономикой...

Сын жалеет меня, гладит по руке и тихо засыпает.

Кот, хромая, следует на диван.

Я тихо съедаю банку сгущенки в связи со стрессом, мне становится гораздо лучше.

Хомяк тихо (потому что я отодвинула клетку от плиты) бежит как бы по степи.

Пришедший с работы муж едва слышно открывает дверь, окидывает нас умиленным взглядом и говорит: «Как у вас тут тихо и уютно!»

Нелегальный кот

Дело было несколько лет назад. Была у меня задача – завести следующего кота. Сын просил британца, но я была против, потому что британцы нынче стоят дорого и, к тому же, часто болеют. И вообще: кто покупает котов?! Они же сами заводятся!

Поэтому, начитавшись статей про приютских котов и рассмотревшись фотографий котогеничных и несчастных, ожидающих меня, как манны небесной, я решила взять кота из приюта.

Я позвонила по нужному телефону. Ответил тревожный женский голос, от которого мне стало не по себе. Голос спросил, сколько мне лет, в каких условиях я живу (метраж, количество комнат, санузлы) и были ли у меня раньше животные. Я, по наивности полагавшая, что для приютского кота моя анкета вполне подходящая, выложила все как на духу.

Голос стал холодным, как арктический бриз.

– Вы полагаете, что одна комната, – это достаточно, чтобы животное имело возможность нормально расти и развиваться?

– Ну... предыдущее животное, здесь прекрасно родилось, выросло и прожило до смерти, – ответила я робко.

– До смерти? – лидокаиново осведомился голос.

– Ну... да, – прошептала я, – старенький был... котик...

– Сколько лет? – голос задал очередной вопрос, а моему воображению нарисовалась хрупкая белокурая девушка в черной эсэсовской форме.

– Мне? – прохрипела я.

– Предыдущему животному сколько было на момент смерти!?

– Чччетыринадцать...

– Прекрасно... – процедил голос с тихой угрозой ... – а что так? Лень к ветеринару было носить?

– Так ведь... он от старости.

– От старости? Хммм, – трагически сказал голос, – от старости никто не умирает! Умирают от *равнодушия*!

Я на время превратилась в соляной столб и начала прикидывать в уме насчет собаки. Но внезапно голос потеплел:

– Ладно... У вас решетки-то на окнах есть?

Я, неприлично расслабившаяся после «ладно», вздрогнула:

– Нет... Мы же... это... домой берем, не в тюрьму.

– Девушка, вы нормальная там? – голос снова набирал обороты.

Я взглянула на себя в зеркало. И подумала, что, в общем и целом, возможно, да. Хотя...

– А сетки? Сетки на окнах есть? – гнул свою политику голос.

– И сеток тоже нет, – созналась я.

– Значит так! Если хотите взять животное домой, условия такие: на окнах – сетки. За сетками – решетки. И окна лучше вообще не открывать. На балкон животное не выпускать. А если вам хочется держать животное на балконе, то там тоже – остекление, сетки и решетка!

– Хорошо... – тихо солгала я.

– Вы меня не поняли, девушка! Я не собираюсь верить вам на слово! Мы подпишем с вами договор! А в договоре будет пункт о том, что я как директор приюта должна иметь доступ в квартиру к животному, чтобы иметь возможность проверять условия его содержания! И не дай Бог, это животное умрет у вас от старости!

Я, как во сне, отключила телефон. Голос суровой защитницы котов растаял.

– Мама! Ну что? Мы едем за котиком? – весело спросил меня сын.

– Нет, сыночек, – прошептала я, – давай через недельку.

Ночью мне снились все существующие на свете животные. Они жили у меня в однокомнатной квартире. Сначала росли и развивались, а потом строились в колонны по четыре и выбрасывались в окна за птицами и насекомыми – даже те, кто насекомых и птиц не любил. И все эти животные, птицы и насекомые парили в воздухе, нарушая тем самым договор.

На следующий день, по дороге с работы, я спустилась в метро. И первое, что я услышала, – это был истошный малыш-кошачий мяв, звучащий, как сирена во время тренировки по гражданской обороне.

Возле мозаичной стены стояла миловидная пожилая жен-

щина, с шерстяной вязаной шапкой в руке, а из шапки торчали огромные мохнатые уши. И оттуда же, из шапки, как полосатая змея, спускался самый длинный на свете хвост. Когда я подошла к женщине, чтобы подробно рассмотреть содержимое шапки, сигнализация отключилась. Со дна шапки на меня смотрел крошечный серо-полосатый кот. А через мгновение он перелез на мое пальто и повис на нем с удовольствием.

Я забрала кота домой. Без всякого договора.

Мы назвали его Томасом и зажили с ним припеваючи. Правда, он съел занавески, свил из носков сына гнездо под диваном и произвел частичную опись обуви. Но так как договор с котом мы не заключили, то и претензии ему предъявлять не стали.

Рецепт бигоса

Дело было в прошлом году. Я собралась готовить бигос. Потому что вспомнила: едала я в Польше у троюродной тетки такой бигос, что ни в одном ресторане не подадут. Капусту нарезала, кусок свинины вытащила из холодильника, сосиски копченые положила поближе. И уже хотела начать готовить, как вдруг поняла: я совершенно не помню, что и в каком порядке нужно класть. Можно было, конечно, залезть в Интернет и выудить оттуда штук двести рецептов. Но мне так захотелось именно того бигоса, который был в Польше, весной, в Кракове, когда за окном было ослепительное солнце и впереди еще десять дней восхитительных каникул!

Я нашла номер телефона и позвонила той самой троюродной тетке. Она, конечно, обрадовалась моему звонку. И закричала куда-то в сторону, противоположную от телефона: «Яцек! Наташка звонит. Какая-какая! Да с Пэтэрсбургу!» Голос теткинго мужа тут же радостно где-то забасил: «Честь! Наташка». Я сразу к делу: «Тетя, дай мне рецепт твоего бигоса!» Тетка: «Конечно, дорогая! Сейчас найду. Он у меня тут записан был где-то. Уж на память не надеюсь. А пока я ищу, Расскажи-ка мне, как у тебя дела!»

Я рассказываю про дела, и тут тетка вопит мне в телефон: «Ой, а какую я фотографию-то сейчас нашла! Ты с нашим маленьким Кшисем, у вас в Пэтэрсбурге! Помнишь, мы приезжали когда-то к вам. Ты тут такая веселая, с бантом! Ой, а Кшись-то наш женится. В этом году. Невеста его Магда, ну ты ее знаешь, ну такая красавица! Яцек! Я Наташке про Кшися рассказываю, что женится он у нас!» «Ага!» – басит Яцек в глубине дома.

Я держу карандаш наготове, ведь нужно записать рецепт бигоса, но тут где-то рядом с теткой раздаётся трель мобильного телефона. И тетка радостно кричит мне: «Наташка! Не клади трубку! Тут Кшись как раз звонит!» И продолжает уже с Кшисем: «Привет, сыночек! А я тут с Наташкой разговариваю! Да-да с Пэтэрсбургу!» И тетка снова кричит мне в трубку: «Кшись тут спрашивает, не рядом ли ты с компьютером?» Я: «Рядом, тетю, рядом!» Тетка снова радостно: «Кшись тебе сейчас в скайп позвонит. А я трубку класть не буду. Втроем поговорим!» Мы соединяемся с Кшисем. Я вижу его на экране, и мы начинаем болтать.

Кшись зовет к компьютеру невесту Магду. И теперь мы разговариваем уже вчетвером: тетка, Кшись, Магда и я, а еще иногда в глубине дома мы слышим Яцека.

Магда показывает мне в веб-камеру свое свадебное платье и фату, Кшись – парадный костюм. Потом они вместе показывают мне своего щенка. Щенок грызет кнопки их ноутбука и смешно лижет экран. Мы дружно смеемся.

Я пытаюсь вернуться к цели звонка и снова говорю одновременно в телефонную трубку и в скайп: «Так дайте же мне, наконец, рецепт бигоса!» Тетка кричит в трубку: «Наташка! Не могу никак найти этот рецепт. Ищу! Подожди!»

Кшись спрашивает по скайпу: «Какой рецепт? Мамин рецепт бигоса?» Тетка кричит ему в мобильный телефон: «Да! Бигоса! Не могу найти!» Кшись говорит: «Так тетя Митя готовит его так же, как и ты! Я ей позвоню сейчас по другому телефону, не отключайтесь!»

Кшись набирает номер тети Мити и говорит: «Тетя Митя, тут Наташка с Пэтэрсбургу звонит, просит рецепт бигоса, который ты готовишь!» Тетя Митя кричит радостно Кшисю: «Кшись! Передай Наташке привет! Спроси у нее, как мама, как бабушка, как там все наши? Я сейчас поищу рецепт! Вот он! Записывай:

взять капусту, 300 грамм свинины, домашние копченые колбаски... Ой, слушайте! Так ведь Павел наш завтра летит в Пэтэрсбург по делам! Наташка может с ним встретиться!» Кшись мне говорит: «Ты все слышала, да?» «Да! – радостно отвечаю я. – Конечно, я встречу Павла! Дайте ему номер моего телефона, а мне – время рейса и номер его мобильного!»

Кшись говорит тете Мите: «Тетю! Дай нам номер и время рейса и телефон Павла!» Тетя Митя кричит Кшисю: «Кшись! Не вешай трубку! Сейчас я позвоню Павлу и все выясню!» Тетя Митя звонит Павлу и кричит ему: «Тут Наташка на проводе! Да-да! С Пэтэрсбургу! Она тебя завтра в аэропорту встретит, скажи номер рейса! Наташка! Записывай: двести тридцать девять, Варшава – Петербург, одиннадцать пятнадцать по вашему времени. Записала? Хорошо! Ой, ну тогда побежала подарки покупать! Павел их в Петербург и отвезет!» Я кричу: «Кшись, скажи тете, чтобы не беспокоилась о подарках!» Но тетя Митя уже отключилась, забыв про бигос. Кшись и Магда тоже спешно прощаются со мной: они тоже хотят успеть вместе с Павлом передать моей семье маленькие подарки и бегут по магазинам. Моя троюродная тетка тоже мне кричит в телефон: «Наташка! Я ведь когда-то тебе обещала купить нашего удивительного меду! Побегу куплю, еще успею. До свидания, дорогая!»

Я возвращаюсь на кухню, задумчиво смотрю на приготовленные продукты, а потом решительно засовываю назад в холодильник капусту, кусок свинины и копченые сосиски и тоже бегу в универмаг, чтобы купить что-нибудь родне и передать вместе с Павлом!

Придя домой, раскладываю маленькие подарки по красивым подарочным коробочкам, потом быстро жарю яичницу, съедаю и ложусь спать. Ведь назавтра мне предстоит встреча с моим веселым четвероюродным братом, и для того, чтобы много смеяться, потребуются силы.

Ночью мне снится свадьба Кшиса, щенок, доедающий ноутбук, троюродная тетка с мужем Яцеком, Павел с чемоданом и целые горы бигоса, рецепта которого я в тот день так и не узнала. Зато я узнала гораздо больше: мои польско-русские связи крепки как никогда!

Гоша

Городское летнее удушье. Воскресенье. Лихие машины с семьями дачников еще вчера проследовали по назначению. У меня дачи нет, но зачем-то иду на остановку пригородных автобусов и делаю вид, что жду. Воскресенье не люблю: оно подчеркивает незавидный статус одиночки.

Сбоку слышится потрескивание. Обычно возле меня сразу появляется кошка, собака или ребенок. В данном случае рядом материализовался мальчик лет пяти-шести от роду, в красной панаме, зеленых штанах и бывшей белой футболке.

Он подумал и без энтузиазма протяжно произнес: «Ма-ма».

– Что ли я потерялся? – спокойно подумал он вслух.

Я решила, что сейчас малыш будет плакать, но он и не собирался. В руках у него была крошечная машинка, а в глазах – сколько угодно блестящих идей.

– Малыш, где твоя мама? Почему ты один? Где ты живешь? Сколько тебе лет? – всполошилась я, понимая, что надо что-нибудь предпринять.

– Да найдет она меня, найдет, – лениво сказал потерявшийся, – а ты чего здесь стоишь?

Я пожалала плечами. Сразу как-то и не объяснишь, почему я здесь стою. Да и не поймет он – маленький.

– У тебя есть какой-нибудь ребенок? – не отрывая взгляда от игрушки, спросил найденыш.

– Нет.

– А почему?

– Ребенок – это очень важный шаг, – затянула я привычную песню.

– А-а, так у тебя мужа, что ли, нет?

Если вокруг было чисто, я бы упала в обморок, но везде были плевки и окурки, и я изумилась одними бровями, которые поднялись и затерялись где-то в волосах.

– Мужа нет, – в конце концов созналась я.

– А, ну, понятно, без мужа детей не бывает. А что, у тебя плохой характер? – не унималось продвинутое дитя.

– Да, кажется, не плохой.

– А может, ты не умеешь готовить еду?

Я вспомнила свой вчерашний взрыв кулинарной фантазии (судак в пиве) и с чистой совестью сказала:

– Я умею готовить еду.

– Значит, все-таки плохой характер, – заключил малыш.

– Давай-ка искать твою маму, – рассердилась я, – она уже, наверное, исплакалась вся!

– Да чего ей плакать? Она курит и от меня скрывает. А если скрывает, то я и не должен знать, что она курит.

От этого логического построения у меня чуть не помутился рассудок.

– Как тебя зовут-то, малыш?

– Гоша. А тебя как?

– Лиза.

– Как мою сестру, двоюродную.

За все время разговора мальчик не отрывал глаз от машинки, которая являла теперь собой не единое целое, а оптовую партию запчастей.

– Никак не снять колесо.

– Давай помогу.

Я отодрала колесо от оси и положила его в грязно-розовую ладошку.

– Спасибо, а то эти проблемы меня доконали, – неожиданно серьезно сказал Гоша.

Вдруг, словно с неба, на остановку впрыгнула молодая, заплаканная женщина и закричала:

– Гоша, где ты был? Я чуть с ума не сошла! Я же сказала: жди меня у магазина!

Гоша невозмутимо молчал и, когда мама вводила его, он обернулся и сказал:

– Знаешь, а ты еще не очень старая. Женись.

Музыкальная история

Дирижер повернулся спиной к публике, нахохлился и дирижерской палочкой ткнул в пространство перед собой. Пространство лопнуло. Раздался взрыв. Это были литавры, а следом что-то духовое, яростное. Зал вздрогнул. Медсестра Аня Чумакова заплакала. Оттого, что литавры, и вообще. Но в основном от невнимательности к ней заведующего терапевтическим отделением Игоря Святославовича, который обещал отвезти ее на неделю в Эмираты, а сам только целовал ей руки и конкретных шагов не предпринимал. А у нее и парео давно куплено и шлепанцы дорогие. И это целование рук ей ни к чему. К тому же еще пара лет – и рожать будет поздно. Поэтому Эмираты непременно должны быть в этом году, особенно учитывая мировой экономический кризис.

Аня плакала сначала про себя, а потом вслух и даже навзрыд. Сначала ее было не слышно – все-таки литавры и духовые гремели не на шутку. Но потом все стихло, и лишь флейта тоненько, почти шепотом, сплетничала со скрипкой. Анины всхлипывания слышались даже в дальних рядах. Кое-кто посочувствовал, но были и возмущившиеся. Старушка в рыжем парике возмутилась со всей имевшейся у нее на тот момент страстью.

«Тебе-то чего рыдать, молодая курица!?» – думала старушка. А еще она думала, что, будь жив ее муж, она бы его убила. Потому что всю жизнь она из-за него пустила коту под хвост. Почему именно из-за покойного мужа, старушка точно не могла сформулировать. Но ощущение, что коту под хвост, было устойчивым. И ей захотелось треснуть рыдающую курицу по голове. Но постеснялась. Все-таки это филармония. И потому она ограничилась тем, что достала из бездонной хозяйственной сумки большую конфету «Чернослив в шоколаде» и, невзирая на то, что флейта по-прежнему тихо шепталась со скрипкой, смачно заскрипела зеленой оберткой из фольги.

Этим скрипом она разбудила случайно задремавшего Петра Сергеевича, который сидел рядом с ней. Проснувшись, он пожегил и виновато огляделся. Ему стало стыдно, что он заснул в филармонии, будучи здесь первый раз в жизни (как-то спонтанно, неожиданно для себя, купил билет).

Но, так как он увидел, что его конфуз никто не заметил, он с облегчением вздохнул и быстро оправдался перед собой тем, что у него была уважительная причина. Всю ночь он убеждал по телефону бывшую жену не применять к их сыну телесных наказаний, и к утру он в этом преуспел: жена, в обмен на увеличение алиментов, согласилась.

Пока Петр Сергеевич размышлял, старушка в рыжем парике скрипела оберткой, а Аня Чумакова плакала, наступил антракт.

Оркестр с разрешения дирижера покинул сцену. Слушатели тоже разбежались, кто в буфет, кто в туалет. Старушка также заторопилась и почти уже почти встала, но вдруг неловко повалилась вперед и захрипела. Аня и Петр Сергеевич кинулись к старушке, и Аня быстро сообразила что к чему: старушка подавилась! Она на глазах недоумевающего Петра Сергеевича обняла старушку сзади и, применив какой-то удивительный прием, совершила чудо: в мгновение ока старушка без своего на то согласия выплюнула роковой чернослив куда-то очень далеко! Правда, при этом с ее головы слетел парик и упал прямо в руки изумленного Петра Сергеевича.

Несколько минут она недоуменно икала с закрытыми глазами, а потом окончательно пришла в себя и булькнула Ане что-то неопределенное. Возможно, «спасибо». Заодно старушка решила, что с нее довольно музыки. Она молча забрала у Петра Сергеевича парик и побрела в гардероб, сжимая в руках свою проштрафившуюся прическу.

Аня сидела на своем месте и тяжело дышала от внезапного применения знаний на практике. Петр Сергеевич смотрел на Аню не мигая: он видел перед собой небесное создание, ангела. Пусть и с размазанной по лицу тушью. Петр Сергеевич торопливо, с благоговением, вынул новый носовой платок из кармана и протянул Ане...

Через полгода Аня и Петр Сергеевич вместе провели неделю в Эмиратах. Через год у них родилась девочка. Старушка больше никогда не покупала чернослива в шоколаде. А дирижер уехал работать в Англию, объяснив начальству свое решение тем, что во время концертов в Лондоне никто не спит, не плачет и не давится черносливом без уважительной причины.

Шкаф с желугями

Моя первая, трудная, кисло-сладкая любовь трещала по швам. Представления об идеальном мужчине и правда жизни столкнулись, как айсберг с «Титаником». В результате шлюпок хватило не на всех, и темная ночь в ледяной воде. Пусть ледяная вода была виртуальной, зато вполне ощутимой. Примерно один градус выше нуля. Вы меня поймете, ведь каждый человек имеет в своем резюме подобное кораблекрушение.

Мы расставались. Мучительно и сладко. Все слова были сказаны, упреки предъявлены, но слезы были пролиты не все. И для того, чтобы это слезопротитие было исчерпывающим, решено было встретиться в последний раз. Обменяться последними словами, аудиокассетами и помучиться хорошенько еще разок.

Я узнала его по опущенной голове и шарфику, подаренному мной. Он плакал. Он отдал мне то, что хотел. Я все это взяла, развернулась и ушла.

И, выйдя со станции метро «Технологический институт», заревела, как белуга. Как маленькая. Как женщина, только что потерявшая все, что имело смысл. А что мне было еще делать?

В качестве утешения я сама себе предложила пойти и выпить. В бар «Бревно». К тому моменту мой алкогольный опыт был равен абсолютному нулю. Я решила, что если мне будет совсем плохо, то это будет хорошо. И, представив себе, что сейчас, после двух-трех стаканов какого-нибудь взрослого напитка, я пойду по улице веселая, пьяная и равнодушная, рванула в бар.

Начало девяностых. Эра малиновых пиджаков. Бар «Бревно». На мое счастье (или несчастье), у окна сидела, пригорюнившись, не то чтобы подруга, но и вроде не чужая, Нинка Грекова. Сидеть она умела красиво: прыщавые юноши в узких брюках и солидные дяденьки в малиновых пиджаках одинаково сворачивали себе шеи, глядя на нее. Но сейчас не об этом. Мне было не очень понятно, как Нинка ко мне относится. Но я к ней относилась с большим пиететом: она была старше меня на три года. Разница к тому моменту была серьезной.

– Эй, девушка! – Нинка обращалась явно ко мне.

Горе от расставания с любимым не помешало мне испытать радость от востребованности у такой уважаемой мной особы.

Одним прыжком я оказалась у ее столика.

– Чего смурная-то? – Нинка проявляла заинтересованность, граничащую с сочувствием.

В ответ я залилась слезами.

– Не продолжай, – приняла волевое решение Нинка, – со своим разругалась, к бабке не ходи. Да и хрен с ним. Давай-ка лучше чего-нибудь выпьем.

– Выпьем? А давай! – я махнула рукой, и по моему телу пробежала вторая в жизни особая дрожь, неизменно появляющаяся от нарушения святых правил.

Хотя нельзя сказать, что дрожь пробежала и исчезла. Она начала нарастать. До этого вино я видела только в кино, а тут... Тем временем Нинка деловито спросила, есть ли у меня деньги. Я порылась в карманах и кивнула. Но Нинка купила бутылку красного сухого на свои.

Очень быстро половина содержимого бутылки исчезла во мне. И очень быстро мне стало плохо. Меня рвало. Голова отчаянно кружилась. Дополняли картину нечеловеческая дрожь и страх неминуемого наказания. В общем, алкоголь не выполнил поставленных перед ним задач – забыть любимого и погрузить меня в счастливое забытьё.

Поэтому я приняла единственно верное решение: поехать к подруге Миле, чтобы пожаловаться на жизнь. Я нашла в кармане монету и набрала Милкин номер. Милка бодро согласилась на мой приезд. Это были времена, когда она собиралась замуж. Ей казалось, что залог счастливой семейной жизни – правильно подобранное свадебное платье. Поэтому она целиком была захвачена радостными приготовлениями.

Я побрела к Техноложке, чтобы, героически стиснув зубы, доехать до станции метро «Черная речка».

И была счастлива, увидев знакомый подъезд. Тот самый подъезд возле военного училища – источника наших с Милкой романтических грез о возлюбленном в невероятно красивой морской форме. Курсанты, как им и полагалось, толпились у подъезда, курили и поглядывали на меня. Мне показалось, что поглядывали они на меня с интересом: это хоть чуть-чуть согрело мою раненую душу. Потом оказалось, что на меня невоз-

можно было смотреть без интереса. То есть на девушку с лицом цвета синей туши и фиолетовых теней, которая к тому же по-минутно икала и плакала.

На втором этаже я заметила двух дядек, тащивших Милкин шкаф – дубовый, резной, с желудями по всему фасаду. То, что это шкаф принадлежал Милкиной семье уже три столетия, я ни минуты не сомневалась. Другого такого на свете просто быть не могло. Это я понимала даже своей несвежей головой. Поэтому с прыткостью трезвого и спортивно подготовленного человека я выпорхнула обратно на улицу и рванула к телефонному автомату. Так и есть. Милки дома нет. Ее квартиру вскрыли и взяли оттуда самое дорогое – Милкин шкаф с желудями.

На всякий случай я решила убедиться, что факт кражи мне не почудился. И еще раз забежала в подъезд. Так и есть. Мужики тянули шкаф и матерились от его нечеловеческой тяжести.

Я решила все-таки подняться на четвертый этаж и посмотреть, как там квартира. Приоткрытая дверь не оставляла никаких сомнений в варварском проникновении этих преступных мужиков.

Трезвость, улучшение моего физического состояния и верное решение были сейчас как нельзя кстати. Так и произошло. Я решила сбегать вниз, уговорить одного из красавцев курсантов подняться со мной наверх и обезопасить Милкину квартиру от дальнейшего воровства.

Курсанты, которые смотрели на меня с интересом, все еще стояли внизу. Я выбрала самого высокого и сильного и вкратце объяснила ситуацию. Мы поднялись наверх. Курсант ударом ноги распахнул дверь в квартиру. И... о ужас! На полу были разбросаны вещи. Видимо, воры искали что-то очень ценное и, возможно, даже нашли!

Я отчаянно боялась, но все же гордилась своим героизмом. Мы с курсантом, плечом к плечу, семимильными шагами шли навстречу смертельной опасности.

Следующим препятствием стала дверь в спальню. Она была плотно закрыта, и оттуда (кошмар!!!) раздавался подозрительный шорох и возгласы. «Их, оказывается, больше, чем двое», – промелькнуло у меня в голове. «Слышь, как орудуют», – шепнул, волнуясь, курсант и незамедлительно применил свою ногу для открытия двери в спальню.

Дверь отделилась от петель и с грохотом рухнула внутрь комнаты. Она упала перед самой кроватью. На которой сладко предавались любви сама Милка и ее жених Георгий...

Мы, четверо, дружно молчали. Через некоторое время Георгий (пытаясь прикрыть все еще высящееся достоинство), указывая перстом на моего помощника – курсанта, сурово спросил меня: «Кто это?»

Курсант в ответ повернулся ко мне и, кивнув головой на парочку в постели, нехорошим голосом спросил меня то же самое.

Милка, счастливая от пикантности момента, спросила: «Наташенька, что случилось?»

А я молчала. Я была не в силах ничего понять... Мне оставалось продолжать борьбу с преступным миром в одиночку: шкаф-то по-прежнему был вероломно похищен и надо было срочно что-то делать.

Тем временем озадаченный курсант и разъяренный жених покинули место событий. Правда, Георгий перед уходом пообещал, что больше никогда не будет со мной разговаривать. (Надо отдать ему должное: слово он сдержал, даже на их свадьбе он не сказал мне ни слова.) Курсант мне ничего не обещал.

Милка же все объяснила просто: «Ссорились, а потом мирились!»

А украденный шкаф... принадлежал соседям. В этом я убедилась лично: соседская семья толпилась у грузовой машины во дворе в ожидании шкафа и переезда. Милкин шкаф тем временем стоял в коридоре и подло сиял своими раритетными железами. В общем, мужики на лестнице были простыми грузчиками.

Когда дым рассеялся и страсти улеглись, мы с Милкой сели на упавшую дверь и столовыми ложками стали есть торт, принесенный Георгием. Я рассказывала ей о своей погибшей любви и о вреде алкоголя, а она соглашалась со мной по всем пунктам...

С того дня прошло миллион лет. Но каждый раз, когда мне предлагают выпить, я отказываюсь. И на вопрос «Почему?» отвечаю по-разному.

Дневник рулящей гамы

Двадцать четвертое марта

Решилась. Иду рулить. Сразу узнала, что нужно сделать. Оказалось, нужны две фотографии, паспорт и медкомиссия. Сфотографировалась. Ух ты, какая зелененькая и напуганная. Горочка меня не узнает на этом фото. Комиссию прошла: психиатр подмигивал против своей воли и отчаянно флиртовал. Справку дали. Приехала в автошколу. Глумливые инструкторы сидели в офисе и пили чай. Я их спросила: «А вы не кричите на учениц?» Они синхронно подвигали бровями и хором изрекли: «А как же?» В понедельник в десять утра начинаю. Горочка в меня не верит, но понимает, что это нужно для дела.

Двадцать пятое марта

Первый урок теории. Знаки.

Пятое апреля

Ночью раздался звонок. «Наташа, это ваш инструктор по вождению, моя фамилия Бармалеев. У нас с вами завтра первое занятие». Договариваемся на утро.

Я иду. И ни капельки не страшно. Сейчас сяду, заведу и поеду. Добрый день, меня зовут Наташа. И мне приятно. Нет, совсем не приятно. Он, кажется, издевается надо мной. Да, так и есть. Постоянная немая насмешка в глазах. Боже, и педаль и руль, и зеркала, и пешеходы – это все одновременно? Никогда не осилю. Час пятнадцать – и такое ощущение, что все впустую. Урок закончен. Надо попросить другого инструктора.

Восьмое апреля

Второй урок. Всю ночь снилось, что я езжу по кругу. Сцепление, передача, тронулись, сцепление, тормоз, передача – на нейтралку, нажать сцепление – остановились. Иду и трясусь. Не хочу за руль. Ну, зачем я это все затеяла? Жила – горя не знала. Пекла Горочке пирожки, ездила на месте пассажира. Такая красота! А сейчас снова – обливаться холодным потом. Машина издевается надо мной. И инструктор, наверное, надо мной издевается.

Пришла – села. Бармалеев: «Не напрягайся, не бойся. Я не ругаюсь, ты же видишь? Я же добрый. Поехали. Тихонько, трогайся. Молодец! Так, хорошо. Кружок, еще кружок. А теперь газик добавь чуть-чуть». Газик?! Да вы что?! Я же только второй раз за рулем. И сразу газик?! Но на газик нажала. Чертова нога не слушается. Я не чувствую полутоннов. Или сильно, или слабо. Нога дрожит. Она издевается надо мной. Да надо мной все издеваются: машина, нога, инструктор и те, футболисты, которые тренируются по соседству. Нет, взять себя в руки! В руки, я сказала. Я сделаю, я сделаю. Ой, получилось. С газиком получилось. Даже инструктора хочется расцеловать. Но он строгий...

Девятое апреля

Третий урок вождения. Лихо проехала по кругу одна. Класс! То, что машина слушается моего руля, меня умиляет. Инструктор показал новый элемент – змейка вперед. Получилось. Инструктор сидит рядом, но... уже выходит. Говорит: «Давай сама». Даю. Я молодец. Теперь говорит: «Давай пробуй задним ходом». Я говорю: «Сядьте со мной, миленький Бармалеев!» Он говорит: «Видишь, какой большой стакан кофе у меня в руках. Не могу. Езди сама». Я поехала. Получилось. Ура!

Тринадцатое апреля

Сегодня четвертый день вождения. На днях директор моей автошколы сказала, что на четвертый раз обычно бывает регресс. Я так и сказала инструктору: «Обещали регресс». Он хитро улыбается и ничего не говорит. Я выезжаю на разминочный круг. Трогаюсь плавно, торможу плавно. Какая я молодец! Повторяем змейку, которую разучили в прошлый раз. Ну, здравствуй, регресс! Вот ты какой. В голове – каша. Я уже забыла, какой ногой надо нажимать на сцепление. Господи, зачем оно вообще существует? Глохну. Как ехать задом, не помню вообще. Люди подтягиваются к площадке смотреть на меня. Я раздавила уже две вешки: одну задела зеркалом, по второй проехала три раза туда и обратно. Ее основание смято. Она больше не стоит прямо. Она вообще мешает мне нормально ездить. Мне машина мешает ездить. Сейчас зареву! Нет! Иначе я не докажу всему миру то, что собиралась доказать. Бармалеев с белым лицом подходит к машине и говорит: «Вылезай!»

Шестнадцатое апреля

Пятый урок вождения. Задание: змейка вперед и назад. Это я делаю час и пятнадцать минут. Сегодня зрителям смотреть не на что. Вроде получается.

Семнадцатое апреля

Шестой день вождения. Солнце в глаза, мой красный «шевроле» делает змейку вперед и назад. Инструктор, довольный, жмурится на солнце. Но только на моем лице появилось чувство полного удовлетворения, Бармалеев скамандовал ехать на парковку. Если для нормальных людей это означает конец езды, то в моем случае – это конец мне. Так как места для маневра выделено мало, а прием «чуть давить на сцепление – время от времени давить на газ – руль два раза резко вправо – руль два раза резко влево – где твои прямые колеса? Где твои ноги – где твои педали одновременно – у тебя везде машины – они тебе не простят – как включается первая передача?» не работает. Бармалеев стекает на скамейку возле моей парковки. Тут у меня начинает получаться. Он подходит и спрашивает: «Устала?» Я счастливая и довольная: «Да!» Он: «Тогда паркуемся задним ходом». От страха я делаю почти все верно. Меня хвалят, и я ухожу. В метро перед своей остановкой правой ногой ищу тормоз.

Двадцатое апреля

Седьмой раз за рулем, и сразу – в город?! Миленький Бармалеев, не надо! Я ведь еще не твердо помню, чем первая передача отличается от второй, как вторую не путать с четвертой, и надо ли, тормозя, каждый раз нажимать на сцепление. Бармалеев ухмыляется, как хирург (мол, больно, но надо), и командует: «Будешь выезжать – не забудь посмотреть налево и направо». Делать нечего: поехали. Впереди ворота, за которыми простирается дорога... А по ней мчатся на скорости, равной скорости шумахеровского болида, паровой каток, мопед... А прямо слева старушка, которая подозрительно смотрит на большую букву «У» на моей машине, и то спускает ногу на проезжую часть, то поднимает обратно на тротуар. В итоге сигает на дороге ровно тогда, когда я оказываюсь рядом с ней. Холодный пот, озноб и решение никогда больше не садиться за руль.

Дальше – больше: перекресток с трамваями, поворот налево, полное забвение свежепройдённых дорожных знаков, и как апогей, рев Бармалеева: «Где у тебя правая нога?!» И тут же успокоительное мурлыканье: «Молодец». Молодец уходит, не помня своего имени. Сорок минут на передовой дорожного движения даром не проходят.

Двадцать четвертое апреля

Сегодня снова в город. Едем. Все прошло хорошо, только разок попыталась перерезать дорогу трамваю, но была остановлена выразительным взглядом инструктора, который почувствовала правым плечом.

Двадцать первое декабря

«Горочка! Пристегнись, милый! И если будешь хорошо себя вести, научу тормозить на ледяной трассе. Нет, не угрожаю. Просто покажу, как правильно поворачивать руль в сторону заноса»...

Хотя зачем я вру уважаемому читателю? Машину я не вожу до сих пор.

Скандал в опере

Бухгалтер Галина Петрова оперу решительно не понимала. Она полагала, что обсудить с возлюбленным ключевые моменты романа гораздо проще обычными словами родного языка. И без свидетелей. И без аккомпанемента. А в опере слов не разобрать, даже на родном языке. Артисты, как рыбы в аквариуме супермаркета, широко раскрывают рты, надрываются и краснеют. А чего стоят внезапные удары барабанов! Так что Петрова, пару раз вляпавшись по молодости, больше в оперу не ходила.

Но однажды жизнь рассудила иначе. Как-то раз коллега Галины, Светочка, отозвав Галину в уголок, показала ей в телефоне фотографию импозантного черноволосого мужчины и заговорщицки спросила:

– Галочка, смотри, как тебе мужчина? По-моему, ничего, а?
– А ты почему спрашиваешь? – спросила Галина, но ее кровь при этом прилила к щекам, так как она, незамужняя и на тот момент находившаяся в ожидании кого-нибудь подходящего, почувяла запах добычи.

– Это кузен сестры моего Васи – Эдуард, – страстно зашептала она.

Петрова коротко кивнула, мол, продолжай.

– Он хочет жениться. Но ни в интернете, ни на улице знакомиться не хочет. Так и сказал: мол, с незнакомыми знакомиться не буду. Мол, найдите мне приличную женщину среди друзей. А мужик-то он хороший, надежный, даже богатый... в некотором роде, – соблазняла подругу Светочка.

– Как это «богатый в некотором в роде»? – уточнила педантичная Петрова.

– Ну, с хорошей работой, дачей. Машина у него. А! И еще все это уже не в кредит. Все выплачено!

– Ага, – задумалась Галина, глядя вдаль и тут же деловито осведомилась. – А возраст?

– Пятьдесят в этом году будет. Женат не был никогда. В общем, первый сорт! – заключила покрасневшая Светочка.

Галина насчет первого сорта уверена не была: ей показалось, что с фотографии на нее смотрел самодовольный эгоист. Но эту мысль она моментально отмела, так как в прошлом году дала себе слово без веской причины предварительных пессимистических выводов не делать.

– Хорошо, – решительно ответила Петрова, – согласна.

– Отлично! – обрадовалась Светочка. – Он купил билеты на оперу «Кармен», прямо на завтра. Вот твой билет. Встретитесь там. Прямо на местах. Как раз будет удобно. Сиди себе, чуть касайся его локотком и примеряйся на будущее. А поговорите потом, в антракте. Телефон твой я ему на всякий случай дала.

Галина задумалась: как-то это было странно. Почему бы ему не заехать за ней на выплаченной машине? Или почему бы не встретиться у метро? Ему – пятьдесят, ей – сорок пять. Не дети уж... Но, снова вспомнив данное себе обещание, трепыхаться не стала и приняла правила игры.

Утром, перед работой она изучила содержимое шкафа и ре-

шила приодеться. Конечно, это было маловероятно, что в первый вечер у них дело дойдет до распускания рук, но на всякий случай Петрова решила надеть особый комплект белья, купленный во время командировки в Будапешт. За полгода она ни разу его еще не надевала, и легкомысленный черный кружевной бюстгальтер на косточках и совершенно неприличные кружевные черные трусики уже полгода ждали своего часа на полке в шкафу. Пусть белье было куплено на рынке, но все же за границей; к тому же продавец-турок тогда так к ней привязался, расхваливая ее выдающиеся прелести, что проще было все это купить и быстро уйти, не испытывая чувства вины перед своим роскошным телом.

Затем ее выбор пал на длинную, серую, с серебряными цветами юбку и черную блузку с коротким рукавом и французским (так сказала продавщица) кружевом, которое выгодно подчеркивало еле просвечивающие белоснежные плечи и изящную шею.

С помощью щипцов она сделала изящную укладку, наложила макияж и осталась весьма довольна тем, что увидела в зеркале. Оттуда на нее с удивлением смотрела женщина, лет на десять моложе Петровой и в два раза прекраснее.

День на работе прошел триумфально. Во-первых, Петрова была так прекрасна, что шеф Николай Федорович Галину не узнал. А потом, узнав, присвистнул, поклонился перед ней и, как д'Артаньян, помахал перед ней воображаемой шляпой. И у себя в кабинете даже тайком проверил, не забыл ли он о дне рождения Петровой.

Работать ей, такой нарядной, не хотелось, и они с девчонками из бухгалтерии пили чай (благо баланс предприятия был удачно сведен накануне) и рассуждали о том, как же это по-современному, даже немного по-американски, ходить на свидания вслепую. А Светочка вообще ходила гоголем и светилась. В общем, как только часы пробили шесть, Галина Петрова отправилась в свет.

Но у жизни в тот вечер были свои планы на Галину Петрову.

Все началось с метро. У входа в метро дежурили полицейские с собаками. Поезда проходили без остановки, мимо платформы, народ копился, превращаясь в угрожающую толпу; по громкоговорителю то и дело уговаривали население потерпеть

и сохранять спокойствие. Петрова начала нервничать. Ведь до начала оперы и встречи с потенциальным возлюбленным оставалось все меньше и меньше времени.

К тому же у нее появился новый, неожиданный противник. Этот дурацкий новый неудобный бюстгальтер натирал и кусался. А так как на Петровой было пальто, свитер и блузка, то выяснить, чем именно кусается строптивый лифчик, не представлялось возможным.

Когда же приехала первая электричка, на которую была разрешена посадка, то все, кто собрался на платформе за последние пятнадцать минут, рванули внутрь. Петрову внесло в вагон и размазало по двери, находившейся напротив. Ее посетили недобрые предчувствия.

Когда она выбралась из вагона, то с ужасом заметила, что на пальто не хватало одной пуговицы, старательно вычищенные накануне замшевые сапоги были истоптаны, а волосы совершенно растрепались. Ей захотелось плакать: как же она теперь покажется на глаза черноволосому обладателю квартиры и машины с выплаченными кредитами?!

Пока эскалатор еле-еле тащился наверх, она кое-как пригладила волосы, оттерла пятна с сапог, замаскировала шарфом оторванную пуговицу и понеслась в сторону театра, стараясь не замечать никаких препятствий и не вдумываясь ни в какие нюансы бюстгальтера, который к этому моменту кусался все яростнее.

Когда Петрова влетела в театр, как раз звучал второй звонок. И дамы в прекрасных вечерних туалетах, с вызовом разгуливавшие по фойе со своими кавалерами, постепенно поплыли в зрительный зал. Петрова сдала свое пальто в гардероб, ворвалась в дамскую комнату, быстро устранила следы разрушений и, сделав глубокие вдох и выдох, предвкушая начало любви, легкой птичкой впорхнула в зал.

Она совершила посадку на свое место аккуратно под первые аккорды увертюры. Выдохнула и, взмахнув ресницами, повернула голову направо — аккуратно в сторону предполагаемого кавалера...

Но кресло было пустым. Кавалера не наблюдалось и в других креслах, которые были забиты совершенно посторонними

людьми. Сердце Петровой заколотилось, ладони похолодели, а в горле как будто застряла огромная таблетка парацетамола. Это был первый ряд балкона. Слегка отдышавшись, Петрова на всякий случай перегнулась через балконное ограждение и суетливо пробежала взглядом на головам в изобилии замерших внизу. Но никого, похожего на Эдуарда, и там тоже не наблюдалось.

Петрову огненным вихрем охватила нечеловеческая ярость. Мало того, что вот уже второй час ее кусает это идиотский лифчик, так еще и этот Эдуард оказался подлецом. Она трясуцимися руками открыла сумочку и достала телефон. Но ни пропущенных звонков, ни сообщений там не значилось.

Оркестр играл совершенно вхолостую, сцена была занавешена, и Петрова, слегка отдышавшись, решила оглядеться.

Слева от нее примостилась парочка, которая слушала музыку только на первый, неискушенный взгляд. Приглядевшись, Петрова обнаружила у девушки две левые руки, причем одна из них была вдеа в кружевной рукав, а вторая была облачена в свитер суровой вязки с растянутым манжетом. И вот эта вторая левая рука то и дело ныряла к девушке под мышку. Девушка сначала приглушенно хихикала, потом затихла, но к концу увертюры она уже ритмично произносила «о-о-о». Петрова с отвращением отвернулась.

Когда же Галина Петрова снова повернула голову направо, то, к ее изумлению, кресло не было пустым. Справа от Петровой материализовалась тонкая старушка с выправкой офицера царской армии. Ее седые волосы были изящно, но строго заколоты на затылке. Тут увертюра стихла и занавес, на котором красовалась арфа, раздвинулся, разорвав арфу пополам. А старушка в этот самый момент сказала низким суровым голосом: «Что ж, посмотрим, что тут за Кармен» и достала из сумочки военно-полевой бинокль.

Артисты пели. Бюстгальтер кусался. Парочка слева громко шуричала. А старушка с биноклем, как полевой командир, то и дело сурово отчитывала певцов: «Давайте пойте живее! А то девица и то громче стонет!», после чего нехорошо сверкала взглядом в сторону как распоясавшихся влюбленных, так и (на всякий случай) в сторону Петровой.

Петровой стало совсем не по себе. Она даже на мгновение

испытала нежное чувство относительно предательского Эдуарда, ведь он мог бы защитить ее от всей этой вакханалии. Но тут сзади громко хлопнула дверь, и в надежде, что Эдуард все-таки пришел, Петрова резко развернулась в сторону хлопка. И тут произошло страшное: агрессивный бюстгальтер странно хрустнул, и в нежную кожу Петровой воткнулось что-то похожее на острие ножа.

– А-а-а! – громко вскрикнула Петрова от неожиданной боли.

Она попыталась изменить положение тела так, чтобы это нечто, воткнувшееся в ее грудную клетку, как-нибудь оттуда выткнулось. Но не тут-то было. Бюстгальтер продолжал настаивать на своем. Боль была острой и мерзкой, и Петрова продолжила, только немного тише:

– А-а-а...

Старушка, мгновение назад смотревшая через бинокль на сцену, развернулась и теперь смотрела в бинокль на Петрову, а потом нехорошим шепотом спросила, кивнув на молодого человека из страстной парочки:

– Он что, с обеими вами тут орудует?

Петрова изнывала от боли. Медлить было нельзя. Было бы хорошо, если бы старушка отвернулась и можно было бы проверить, что там такое острое. Но лифчик мучил тело Петровой, а старушка долгим, немигающим взглядом пыталась поразить совесть Петровой. Но так как боль у Петровой была уже совсем невыносимой, она решила действовать, невзирая на старушку. И засунула руку под свитер, под блузку и под лифчик. Старушка раскрыла глаза до упора, хрюкнула и возмущенно отвернулась. И Петрова, наконец, нащупала причину, по которой она страдала: металлическая косточка ее лифчика, не выдержав напряженного графика труда и отдыха хозяйки, разломалась пополам, прорвала ткань и цинично уткнулась острым концом в нежную плоть Петровой аккурат в районе груди.

У Петровой похолодели пятки. На секунду она представила себе, что сейчас при малейшем неосторожном движении косточка проткнет ей сердце и она умрет прямо здесь, без Эдуарда, под неубедительно тихий голос Кармен, рядом с развратной парочкой и странной старушкой с огромным полевым биноклем в морщинистых руках. Видение ее было настолько яр-

кое, что Петрова решила незамедлительно действовать. Лифчик нужно было снять! Но как? Вокруг сидели примерно сто любителей оперы, которые моментально отвлекались на любой подозрительный звук.

Петрова всунула правую руку себе в рукав, нащупала лямку лифчика на плече и, решительно растянув ее до нужной длины, ловко сняла ее с первого плеча. Это прошло незамеченным, так как рядом находилась парочка, которая мало реагировала на внешние раздражители. Но нужно было действовать быстро, пока контрафактный, подлый лифчик не нанес ей тяжкие телесные повреждения, и Петрова другой рукой ловко осуществила симметричную операцию.

Дальше нужно было всего лишь вынуть лифчик из-под одежды и незаметно засунуть его в сумку. Сушая малость. И Петрова почти осуществила эту манипуляцию, но тут вдруг случилось непредвиденное: в момент, когда лифчик был уже вынут из-под одежды, девушка из эротической команды внезапно решила залезть в свою сумочку и резко протянула вниз свою руку, обрамленную кружевным рукавом. И надо же было такому случиться, что лифчик, который почти был в сумке Петровой, из последних сил зацепился крючком за кружевной рукав девушки. Девушка, вытащив руку из своей сумочки и увидев лифчик Петровой, прицепившийся к ее рукаву, истерически заорала:

– Крыса!!! Женя, это крыса!!!

Петрова была в панике. Она хотела быстренько отцепить свой лифчик от рукава девушки и быстро ей объяснить, что это не крыса, хотя и равный крысе по подлости неживой предмет, но девушка ловко отцепила лифчик от рукава и мощной волейбольной подачей отправила его в неопределенную темноту партера.

Онемевшая от неуправляемости ситуации Петрова перегнулась через балконное ограждение и увидела, как лифчик упал на лысую голову пожилого мужчины. Мужчина замер, партерные и балконные зрители начали роптать, артисты стали петь еще более вкрадчиво, а в проходах между рядами появились крепыши администраторы. А лысый мужчина, на голову которого прилетел бюстгальтер, истошно крикнул:

– Уймите там ваших баб!!! – после чего, швырнув предмет на колени к другому мужчине, вскочил с места. Из его горла вы-

рвался то ли хрип, то ли журавлиный клекот, и он решительно протопал в фойе.

Сердце Петровой колотилось, но тут и ежу было понятно, что ни в коем случае нельзя признаваться в том, что лифчик принадлежал ей. И Петрова затаилась. Старушка подозрительно смотрела в бинокль на парочку. Парочка же вскочила и, на ходу поправляя одежду, рванула к выходу, невзирая на десятки колен, препятствовавших этому.

– Бесстыжие! – сказала старушка. – Мало того что Бог знает чем занимались, так еще и крысу принесли! Террористы!

Спектакль возобновился.

Петрова снова осторожно посмотрела в партер. Молодой человек, на чьих коленях, как сомлевший котенок, лежал черный лифчик, как ни в чем не бывало слушал оперу.

Когда первое действие закончилось, Петрова снова глянула вниз. Молодой человек встал со своего места и, выходя в коридор, повесил лифчик на перила.

Петрова тоже рванула к выходу и уже через полминуты была в партере, но... лифчика там уже не было.

Петровой захотелось плакать: вечер сложился так погано, как никогда в жизни.

Когда она вышла из туалета, то увидела мужчину, стоявшего в холле с небольшим полиэтиленовым пакетом в руках. Она подбежала к нему и вполголоса заговорщицки спросила его:

– Простите, у вас в руках мой лифчик?

Вместо ответа мужчина попятился и скрылся за углом, откуда вышел, только когда Петрова отошла на безопасное расстояние.

Тут Петрова поняла, что пока жертвами кровожадного лифчика не пали еще примерно пара десятков человек, лучше убраться отсюда поскорее. Быстро одевшись в гардеробе и выйдя на улицу, она с облегчением вдохнула вечерний морозный воздух и подумала, что поможет ей сейчас только спиртное. И тут ей на глаза попала вывеска «Театральное кафе», сиявшая задорным зеленым неоновым светом. Туда Петрова и рванула незамедлительно. Она заказала себе сто граммов коньяку и, немного подумав, бутерброд с пастромой.

Когда бутерброд был съеден, а коньяк выпит, Петрова с удовольствием потянулась и подумала: как же здорово, что на ней не

было этого проклятого лифчика, а рядом не было этого подлеца Эдуарда!

И в тот же самый момент, откуда ни возьмись, появились музыканты, вооруженные гитарами, клавишами и барабанными палочками. Они заиграли что-то легкое и приятно-неоперное. Петрова заулыбалась.

Через минуту к ней галантно подошел неизвестный мужчина и пригласил на танец. Петрова согласилась. И они стояли вдвоем, покачиваясь посреди зала. Потом они выпили еще коньяку. А потом еще. И опера, вместе с вероломным Эдуардом и вражеским бюстгальтером, померкли в памяти Петровой, а потом и вовсе исчезли.

Потом мужчина целовал Петрову и смешно колот ей нос своей брутальной щетиной, а Петрова была на седьмом небе от давно забытого удовольствия. Покончив с коньяком и танцами, Петрова с кавалером отправились на такси куда глаза глядят.

Так что теперь Петрова замужем и по-прежнему считает, что хождение в оперу – никчемное занятие.